

Плюснин Ю.М.

Социологические и социально-психологические исследования МАКЭ в 1989-2006

В 1986 г. на всесоюзной конференции в Новосибирске я познакомился с П.В. Боярским и он пригласил меня участвовать в качестве психолога и социолога в полевых исследованиях в Арктике в составе только что созданной им МАКЭ. Я с воодушевлением согласился, но лишь к лету 1988 года такая возможность представилась, да и она тогда была реализована лишь частично.

В то лето планировалось под руководством Д. Кравченко автономное плавание на вельботе «Помор» из Мурманска до Вайгача и далее в сибирский район Арктики. Руководство моего института в Новосибирске отпустило меня только на один месяц; в августе необходимо было ехать на обследование населения Эвенкии, на Нижнюю Тунгуску. Я, прилетев в Мурманск, вместе с ещё 6-7 другими энтузиастами-путешественниками, обнаружил, что в море не идём, поскольку судно требует значительных по времени подготовительных работ. Делать было нечего, не возвращаться же обратно. Почти месяц мы простояли в морском порту Мурманска, занимаясь ремонтом и усилением бортов, ковкой якорей, налаживанием двигателя и многими другими мелкими, но необходимыми работами. Между делом я занимался своими подготовительными исследованиями, тем более, что они не требовали физического присутствия в Арктике: проводил психологическое тестирование и осуществлял включённое наблюдение поведения членов будущей команды.

Однако выделенное мне время на экспедицию закончилось, а вельбот всё ещё не был готов к плаванию. Пришлось возвращаться в Новосибирск, оставив команду и судно. Сейчас я уже не помню, но, кажется, в то лето отряд так и не вышел в море. Тем не менее, за месяц у меня был собран предварительный материал, касающийся черт личности и особенностей командного поведения «полярных исследователей-энтузиастов». Этот материал составил методическую основу моих последующих работ в МАКЭ, он

позволил оценить применимость в условиях замкнутого коллектива тех или иных стандартных психологических тестов и, особенно, использование методов объективного анализа поведения людей (так называемых этологических методов). Месяц наблюдений за членами команды дал материал для подготовки серии методик, которые позволяли оценить характер поведения человека в пространстве, его коммуникативную активность, место в «групповой иерархии», стереотипы повседневного поведения, не прибегая к вопросникам, которые всегда отражают лишь мнение человека о себе, а не реальное его поведение.

Поэтому можно считать, что мои полевые исследования в составе МАКЭ начались в 1988 году. Реальная же возможность поработать в полную меру впервые представилась летом следующего 1989 года, когда была организована экспедиция на о. Вайгач. Всего же в составе МАКЭ я провёл 4 исследования: два из них, где я выступал в качестве психолога, были социально-психологическими (это Вайгач 1989 и Пустозёрск 1991), и два других были сугубо социологическими (Белое море 1999 и Мезень 2006). Ниже я даю краткое описание каждого из этих полевых исследований; после каждой пары тематически общих работ я привожу некоторые общие результаты.

Вайгач 1989

Экспедиция состояла из четырёх отдельных отрядов, автономных в работе и передвижениях. Два небольших отряда по 5 человек осуществляли работы по восточному и северному берегам острова, три человека составили группу радистов, стоящих на мысе на входе в Долгую губу и обеспечивавших связь между отрядами. Самым большим по численности был отряд из 12 исследователей, под руководством П.В. Боярского, осуществлявшим работы с базы в бухте Худой в глубине Долгой губы с помощью спасательного моторного вельбота.

Собственно, эта группа из 12 мужчин и была для меня, как «штатного» психолога экспедиции, основным и постоянным объектом наблюдений и экспериментов. Исходно в нашей команде общим был только пол. Различия по возрасту были кратными: самые молодые в 24-26 лет, самые старшие – 55-60 лет, хотя

большинство были в возрасте 35 – 40 лет. Собраны мы были с разных концов страны: из Москвы и Питера, Воркуты и Новосибирска, Казани и Мурманска. Соответственно, у себя дома все мы занимались самой разной деятельностью, далеко не всегда научной. Были историк и археолог, плотник и математик, биолог и физиолог, геолог и психолог, архитектор и кинооператор, журналист и моряк. Это была команда, состав которой в полной мере обеспечивал комплексность работы. Разнообразие профессий и родов занятий сливалось в командном единстве, выраставшем из нашей одинаковой любви к Арктике. Различие характеров, темпераментов, жизненных опытов, профессий слилось в общей работе и результатом явилось общее чувство единства. Всю экспедицию мы прожили как одно целое. Дух единства не оставлял нас ни на день. Недаром, по признанию каждого из нас, эта экспедиция оказалась одной из лучших, а ведь почти у всех за плечами было не по одному десятку «полей».

В вайгачской экспедиции основной целью моей работы было составление социально-психологического «портрета» команды. Он вырисовывался с помощью нескольких методических приёмов. Во-первых, определялся психологический профиль каждого из членов команды. Сюда входила оценка темперамента, уровня «природного» интеллекта, основных черт характера и ценностных установок. Всего регистрировалось около 80 отдельных признаков, от эмоциональности и ригидности, до общительности, доминантности, живости интеллекта и неофилии (прирождённой склонности к новому, или напротив избеганию всего нового). Данные собирались с помощью широко известных или, напротив, мало используемых психологических тестов и вопросников. Каждый из членов команды получал комплект тестов, которые он заполнял в свободное время. После обработки результатов, назначалась приватная «аудиенция» у психолога где-нибудь среди скал на берегу моря, на которой в течение 2-3 часов шла детальная разборка целостной личности на отдельные части и компоненты. Не всегда успевали собрать разобранное. Однако, эта психодиагностическая работа, хотя и объёмная, и наиболее зримая со стороны, была лишь небольшой частью исследовательского плана и имела второстепенное значение. В

некотором смысле она даже предназначалась для того, чтобы скрыть от внимания членов отряда более важные наблюдения.

Собственно, эти наблюдения – так называемые включённые, поскольку наблюдатель находится в составе отряда – представлялись мне наиболее важными с точки зрения оценки повседневного поведения людей, групповой динамики и структуры жизнедеятельности команды. Они составили достаточно обширный второй методический приём изучения группы. В этом случае я выступал уже не в качестве психолога-консультанта, а в качестве этолога – наблюдателя реального повседневного поведения людей в ситуации полной изоляции. Изоляция отряда позволила описать поведение каждого в максимально «очищенном» виде – как поведение индивида, находящегося под влиянием строго определённого ограниченного и всегда постоянного числа других людей.

Основные аспекты, которые изучались с помощью объективных методов, три: это индивидуальное и групповое пространственное (территориальное) поведение, коммуникативная активность и групповая иерархия. Они тесно переплетены в поведении каждого человека и могут поэтому изучаться (фиксироваться) одновременно, иногда даже с помощью одних методик. В результате месячных ежедневных наблюдений были зафиксированы индивидуальные особенности персонального пространства и организация жизненного пространства всей группы (первичной и вторичной территории группы). Анализируя динамику перемещений членов отряда по берегу острова, мне удалось зафиксировать процесс освоения пространства в его развитии.

Наблюдение и фиксация актов коммуникации группы в ситуациях свободного взаимодействия (не регламентированного рабочими задачами) позволила описать структуру коммуникативной активности группы и коммуникативные профили каждого её члена. Они были соотнесены с особенностями пространственного поведения и социодинамическими характеристиками людей – местом каждого человека в формальной и ролевой «иерархии».

Наконец, третьим методическим приёмом, направленным на оценку сплочённости группы, получения характеристик её солидарности являлись игровые симуляции. Я привёз с собой известную игру «Дипломатия» (иначе называемая «Первая мировая война»), которая моделирует дипломатический договорной процесс, где ключевым моментом является несоблюдение закреплённых договорённостей, проще говоря, обман и предательство, завершающееся исключением участника из процесса игры. Метод этот жестокий, эмоционально нагруженный и в игровой ситуации позволяет оценить уровень сплочённости группы и её «моральную дифференциацию», что оказывается важным для оценки эффективности групповой деятельности, особенно в критических (экстремальных) ситуациях. В результате проведения нескольких игр удалось оценить степень сплочённости команды и её сопротивляемость к разрушению.

Собранный материал оказался очень объёмным и, как я прекрасно понимал, непубликуемым в те годы. Ни один научный журнал у меня бы его не принял. Поэтому я подготовил лишь большую статью и представил её в качестве материала для будущих сборников МАКЭ. Да спустя несколько лет на семинаре НАТО сделал доклад о специфике поведения людей в Арктике.¹

Пустозёрск и Новая Земля 1991

Экспедиция этого года в окрестности Пустозёрска хотя и не была связана с совершенно автономной деятельностью отряда, поскольку базировалась в деревне Устье (в трёх км от места расположения исчезнувшего города), но предоставила не менее богатый психологический материал. Во-первых, она была более многочисленной, состояла из 22 человек, и в ней были две женщины, что существенно изменяло и усложняло структуру взаимодействий.

Во-вторых, она была мобильной, поскольку имелись возможности использовать вертолёты Нарьян-Марского авиаотряда для дальних разведок. Отряд перемещался в акватории Печерского и Баренцева моря, разбивался на группы, которые в течение нескольких дней работали автономно, а в конце экспедиции вообще разделился на две части, большинство

вернулись в Москву, а 9 человек мужчин отправились на полярную станцию Мыс Меншикова для работ по восточному берегу Южного острова Новой Земли с последующим визитом на о-в Вайгач.

В этих условиях мои исследовательские задачи усложнялись. Прежде всего в части, касающейся оценки групповой структуры и её скоротечного развития. Изменения в составе группы и перемещения её отдельных частей усложняли развитие структуры внутригрупповых коммуникаций и складывание неформальных взаимозависимых отношений между людьми. Мне пришлось использовать несколько методов, часть из которых были оригинальные проективные игровые методики, чтобы в сжатые сроки пребывания отряда в полном составе суметь описать достаточно полно структуру группы с учётом представлений каждого её члена. Это удалось благодаря двум обстоятельствам.

Во-первых, помимо обычного для меня метода включённого наблюдения за развитием групповой структуры я использовал упомянутую игровую проективную методику (рабочее название «Я и моё ближайшее окружение»). На квадратной деревянной доске размером 40 x 40 см испытуемый должен был разложить круглые камни морской гальки разного размера и веса, считая при этом, что определённый, выбранным им камень из общей кучи, символизирует конкретного члена команды. Таким образом испытуемый, выбирая больший или меньший камень, наделял относительным весом каждого члена отряда. Расставляя камни на доске, он фиксировал и относительные расстояния между людьми. Каждый член команды в буквальном смысле слова презентировал свои индивидуальные представления о том, какой сложилась за 3 недели структура группы. Суммирование всех 22 «презентаций» (включая автора) позволили определить как усреднённую групповую структуру (в этом случае был зафиксирован «групповой каркас системы отношений», общий для сознания всех участников), так и индивидуальные вариации в представлениях об этой структуре (в таком случае имелась возможность сопоставить представление о структуре группы с личностными чертами и индивидуальными особенностями поведения).

Во-вторых, я воспользовался техническими средствами – видеокамерой – и занимался фиксацией спонтанного свободного поведения членов команды (в наилучшее для такого наблюдения время – перед или сразу после приёма пищи и перед отходом ко сну) с целью определения персональных параметров пространственного поведения и коммуникативной активности, а также объективных признаков межперсональных предпочтений и избеганий. Эти наблюдения осуществлялись с использованием метода «моментального сканирования» И. Альтмана с авторскими модификациями.² Были получены 3 часа 1-минутных «моментальных» регистраций, которые составили массив объективных данных по структуре поведения каждого члена команды и структуре социальных отношений.

Психологическое тестирование осуществлялось по уже рутинизированной схеме соответствовавшей той, что была применена в вайгачской экспедиции 1989 года. Этологические наблюдения осуществлялись по той же программе. Эта работа была дополнена лишь специальными игровыми имитационными методиками, с помощью которых испытуемый моделировал своё поведение в пространстве и во взаимодействии с другими людьми, а автор имел возможность соотнести имитацию поведения с реальным пространственным поведением человека.

Краткие результаты психологических исследований поведения и психологии человека в Арктике, 1989-1991

Детерминантами поведения индивида выступают особенности системы социальных отношений арктического местного общества. Структура поведения модифицируется здесь в соответствии с необходимостью существования в значительной пространственной и коммуникативной изоляции, в среде с преобладанием родственных и соседских отношений, которые предполагают партикулярный характер связей. Важна и такая особенность как персонифицированный характер соподчиненных отношений. Формальные связи переплетены и «вращены» в систему частных, дружеских и соседских, отношений. Все это придает системе социальных отношений налет архаичности и смысл клановых, отношений. Это обуславливает специфические поведенческие

стереотипы. При этом они оказывают вторичное влияние на индивидуально-психологические особенности человека таким образом, что в процессе социализации формируется совокупность определенных личностных характерологических черт, адаптивных по отношению к требованиям социальной среды. Это один из путей развития поведенческого своеобразия. Другим путём является отбор взрослых индивидуумов, психологически приспособленных к специфическим экологическим и социальным условиям Арктики.

Особенности поведения

Основные, по моим наблюдениям, особенности структуры социального поведения человека в Арктике следующие. Здесь для людей характерна пространственная экспансивность поведения: потребность и стремление к освоению и контролю значительной по площади территории. Индивидуальные и коммунальные контролируемые пространства (территории), как правило, на порядок, а иногда и на два порядка превышают размеры соответствующих территорий в умеренной зоне. В связи с этим характер отношений по поводу границ любого типа носит исключительно договорной характер: пространственные границы в очень малой степени определяются физическими формами, и в основном обеспечиваются коммуникативными средствами. Иными словами, на границах территорий не выставляются пограничные столбы и изгороди вокруг домов, но устанавливаются коммуникативно-символические рубежи на основе персональных договоренностей («мой охотничий участок – от Дыровой бухты до Зелёной реки, это все знают»³).

Для человека в Арктике характерна в то же время пространственная консервативность, стремление фиксировать пространство максимально долгое время. Причем консервативность характерна преимущественно по отношению к вторичной территории, т.е. тому пространству, которое обеспечивает человека основными ресурсами («ручей у Савиной избы – издревле граница между родомскими и латыгскими жителями»⁴ - и это действительно так, потому что то же положение зафиксировано в Писцовых книгах на 1623 год⁵). В отношении же первичной территории - "жилому пространству" - наоборот, прослеживается отсутствие сколько-нибудь выраженной

привязанности. В противовес обширным размерам вторичной территории пространство для повседневной жизни невелико и структурировано на мелкие ячейки, что также экологически целесообразно.

Имеет место жёсткое, но неоднозначное распределение функционально-ролевых позиций членов общества. Причиной этому является не только малочисленность общества и высокая персонализация ролевых позиций их членов, но и мультифункциональный характер деятельности, ведущий к универсальности каждого человека. Это приводит к лабильности и диссоциированности (атомарности) системы иерархических отношений в автономном обществе. Отсутствует жесткая упорядоченность статусов, соподчиненность базируется скорее на родственных связях и индивидуальном влиянии, а не на формальных социально-профессиональных признаках.

Вероятно, более всего трансформирована коммуникативная составляющая поведения членов арктического сообщества. Надо отметить целый ряд выразительных особенностей. Коммуникативная система общества носит принципиально неанонимный (персонализированный) характер, причем персонализация охватывает не только членов одного общества, но объединяет группу пространственно очень разобщенных обществ. Наряду с этим, как дополнительный признак по отношению к неанонимности коммуникации, общение носит изолированный, замкнутый характер. Интенсивность и, соответственно, значимость коммуникативного процесса наиболее высока внутри самого общества. Ценность же внешней информации субъективно невелика. В информационном отношении общество замкнуто. Система коммуникаций строится на принципе приватности сообщения. Формальные по содержанию сообщения приобретают индивидуально-личностную окраску. Коммуникации свойственна низкая функциональная нагруженность: собственно говоря, предпочтение отдаётся не информационной, но психологической (контекстуальной) составляющей сообщения. Структурные параметры коммуникации характеризуются высокой интеграцией и централизацией общения. В коммуникативном процессе выделяется явный "лидер общения" – центр коммуникации, которому прежде всего адресуется сообщение и который

проявляет максимальную инициативность при передаче информации. Сами акты коммуникации, как правило, интегрированы тематически и эмоционально. Еще одной особенностью коммуникативного поведения является отсроченный во времени процесс передачи информации: общение не только "разнесено" в пространстве, но оно и растянуто во времени. Сообщение может быть необычно "протяженным", когда его завершение отсрочено во времени на дни и месяцы. Можно указать также на преимущественную ориентацию коммуникации в прошлое и ее фиксированность в настоящем при явном снижении значения такого аспекта, как планирование будущей деятельности.

Все эти отмеченные особенности структуры социального поведения человека в Арктике скорее характеризуют поведение представителя архаического или традиционного обществ, но не современного индустриального общества. Те объяснения этому феномену, которые лежат на поверхности, напрямую связаны с давлением экологических обстоятельств на общество, давлением столь мощным, что оно заставляет человека, идущего на Север с современной техникой и технологией, изменять своё поведение таким образом, что оно по ряду важных характеристик сближается с поведением, характерным для представителей архаических обществ.

Индивидуально-психологическое своеобразие

Коротко перечислю выявленные особенности психологии, которые позволяют предполагать наличие "прототипа полярной личности", т.е. совокупности личностных черт, адаптивной условиям Арктики. Распространена такая особенность темперамента, как высокая устойчивость вегетативной нервной системы к стрессорам физической природы (холод и голод) и при этом низкая устойчивость – к стрессорам социальной природы (интенсивность и «плотность» межперсональных взаимодействий). Другой особенностью темперамента является сравнительно высокий уровень эмоциональной реактивности и повышенная тревожность.

Целый ряд и характерологических черт личности имеет отличительные особенности. Необходимо указать на следующие черты. У многих снижена способность к доминированию и при

этом наблюдается высокая индивидуальная независимость поведения. Характерна низкая общительность (тенденции к интровертированности) и повышенный уровень беспокойства, личностной тревожности. Другими словами, велика доля малообщительных индивидуалистов, рассчитывающие прежде всего на собственные силы, независимые в своих устремлениях. Отмечена высокая агрессивность при одновременно сниженном уровне демонстративной враждебности (человек всегда готов «к бою» и не склонен к словесной перепалке). Высок уровень креативности (способность к поиску необычных решений) и повышена исследовательская активность (ориентация на новизну, неофилия). Эти черты сочетаются со склонностью к риску и стремлению к поиску острых ощущений. Что кажется столь свойственным жителю Севера.

Такой достаточно объемный по составу комплекс индивидуально-психологических черт и позволяет говорить о прототипе "полярной личности", адекватной по своему психологическому потенциалу и по структуре социального поведения экологически экстремальным условиям Арктики и Севера.

Белое море 1999

Эта экспедиция МАКЭ, целью которой было изучение соотношения социальных и экологических факторов в жизнедеятельности населения побережья Белого моря в кризисных социальных условиях, организована и проведена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 99-06-18013), Министерства культуры РФ и МОНФ при содействии Фонда Форда (грант № SP-99-1-14).

Экспедиция, как обычно, была комплексной и имела в своём составе социологов и историков, биологов и экологов, архитекторов и художников, и даже группу видео-операторов. Она стартовала в начале июля 1999 из г. Кандалакши. Большую помощь в её техническом оснащении оказал Кандалакшский государственный природный заповедник, предоставивший на условиях аренды морской транспорт (МРБ «Дрейф») и разрешил проведение части работ на охраняемой заповедной территории.

По сути дела, благодаря тому, что в распоряжении экспедиции постоянно находилось судно, за неполных два месяца был обследован обширный район Кандалакшского залива Белого моря от самого кута до реки Варзуги на Терском берегу Кольского полуострова и до реки Керети на Карельском берегу.

Концепция исследования базировалась на представлении о взаимообусловленном влиянии социальных и экологических факторов на историческое развитие и, вместе с этим последним, - на современные процессы жизнедеятельности каждого локального сообщества. Специфика исторического развития любого локальных сообществ, имеющего тенденцию к формированию системных этнических признаков, обусловлена в равной мере как факторами социального порядка (точнее, социально-исторического), так и факторами экологического порядка, особенно значимыми в экстремальных природно-климатических условиях Севера.

Для полевого исследования имели значение два аспекта: 1) пространственно-социальный (современная жизнедеятельность и природопользование локальных сообществ) и 2) социально-исторический (процесс развития взаимодействия локального сообщества с природной средой, нашедший выражение в специфических формах хозяйствования и особенностях экологического сознания населения). Оба эти аспекта могут быть зафиксированы как в «рецентном» состоянии – при описании жизнедеятельности современных сообществ, - так и в форме памятников культуры и хозяйственной деятельности населения.

Эти обстоятельства и определили выбор соответствующих методов комплексного исследования. Таких методов было несколько. Осуществлялась социологическая и социально-экономическая характеристика населённого пункта, основанная на анализе официальных документов, статистических данных, а также опроса компетентного населения. Проводились рутинные социологические опросы как с помощью интервью, так и в анкетной форме для оценки образа жизни, особенностей природопользования, бытовой психологии, системы экологических знаний и представлений населения. Выявлялись и описывались памятники культуры и хозяйственной деятельности населения.

Проводилось эколого-географическое описание ландшафта в аспекте природопользования и хозяйственной деятельности населения. Осуществлялся популяционно-экологический анализ некоторых важных с точки зрения хозяйственной деятельности населения составляющих приморских и островных экосистем.

Три относительно самостоятельных по идеологии (специально-научным принципам), но концептуально и методологически связанные блока программы позволяли получить целостное представление о жизнедеятельности поморского населения.

Первый блок образовали исследования структуры социальных отношений и форм жизнедеятельности локальных обществ как на уровне небольших сельских поселений, так и более крупных поселков и малых городов, расположенных по побережью Белого моря. Второй блок образовали исследования природно-экологических комплексов (ландшафтов), определяющих специфику традиционных и новых форм природопользования населения, в особенности знания поморов о наиболее важных промысловых видах рыб. Третий блок – социально-исторические исследования памятников культурной и хозяйственной деятельности поморов.

По социологической части программы были обследованы 12 населенных пунктов в Республике Карелии, Мурманской и Архангельской областях. Результаты работы экспедиции были опубликованы в целом ряде изданий МАКЭ, представлены в электронных публикациях.⁶

Мезень 2006

Экспедиция августа 2006 года по реке Мезени замышлялась в течение 7 лет, случилась довольно внезапно и оказалась своеобразным развитием полевых работ МАКЭ в сторону материка. Она была осуществлена благодаря финансовой поддержке РГНФ (грант № 06-06-18001е «Местное общество перед угрозой вторжения. Оценка возможных социальных и экологических последствий промышленного освоения бассейна р. Мезени»). Экспедиция выстраивалась как комплексное полевое социологическое, социально-экологическое и историко-культурное

исследование сельских обществ бассейна реки Мезени (Удорский район Коми, Мезенский район, север Архангельской области) в преддверии интенсивного промышленного освоения регионов Русского Севера (добыча нефти, газа, алмазов, бокситов).

Население Мезенского района, благодаря удалённости и изолированности, до сих пор сохраняет множество черт уклада традиционного крестьянского русского общества во всех сферах жизни – экономической (традиционное природопользование), социальной (сельский «мир» и самоуправление) и культурной (сохранение бытовых традиций, многовекового культурного ландшафта). Это одна из немногих территорий России, где не произошло сколько-нибудь значительного разрушения традиционного уклада жизни людей в советский период. Однако ожидаемые в скором времени радикальные изменения в экономической жизни региона – начало промышленной разработки месторождений алмазов, бокситов, приход нефтяных и газовых компаний – ставят местное сельское общество перед угрозой разрушения всех сложившихся социокультурных отношений и хозяйственных связей.

Каковы ожидания, настроения и намерения людей в этих условиях? Какие превентивные меры предпринимает сейчас местное общество, чтобы сохранить свою жизнеспособность? Насколько готовы сельские общины и отдельные люди принять и усвоить новые стандарты экономических отношений? Насколько местное общество способно «переработать», без опасности полного разрушения, привносимые извне новые ценностные установки? Ответы на эти вопросы мы и собирались получить в ходе полевой работы.

Исследование проводилось в автономном режиме: в течение месяца команда из 6 исследователей сплавлялась на парусном катамаране фирмы «Кулик» с верховий Мезени, от г. Усогорска. Вся протяжённость реки до п. Каменка составила около 550 км. Экспедицией были обследованы практически все населённые пункты из 43 мезенских поселений. Маршрут состоял из трёх третей. Первая треть маршрута – Удорская (Комяцкая) территория Мезени от Кослана и Усогорска до Латьюги (около 160 км), сохраняющая свою этническую и культурно-историческую

самобытность с незапамятных времён. Действительно, поселения на этой части реки оказались сравнительно мало затронуты современными изменениями, а население живёт в проблемах середины 90-х годов.

Вторая треть маршрута – Лешуконская (Русско-Комяцкая), от Родомы до Азаполя и Палуги (около 300 км), здесь располагаются населённые пункты, подвергнувшиеся уже более значительному воздействию современных индустрий. Посёлок Лешуконское, по численности в полтора раза больше города Мезени, являет собой тип современного пгт со всеми болячками и проблемами, типичными для средней полосы, но усугублёнными удалённостью и экстремальностью жизнеобитания. Третья треть маршрута протяжённостью до 100 км – это собственно Мезенская (Поморская) волость от Целегоры до Мезени и Каменки (оба поселения напротив друг друга на разных берегах реки). Территория в максимальной степени испытала преобразовательные и разрушительные влияния советского и постсоветского времён и в настоящее время пребывает в состоянии упадка и исхода населения.

Используя автономное средство передвижения – парусно-вёсельный катамаран – экспедиция имеет возможность осуществлять, наряду с исследованием, и «культуртрегерскую» миссию: продемонстрировать местным жителям, что зря они отказались от парусов в пользу мало полезных сейчас моторов. Жители имели возможность вспомнить, что круглое отверстие в носовой банке в далёком прошлом предназначалось для палки, называемой «мачта» и что к сей палке можно было приторочить кусок мешковины и, пользуясь попутный ветерок, экономить семейный бюджет.

Помимо визуального обследования всех расположенных на реке населённых пунктов и интервью с их жителями, мы проводили также детализированное обследование, применяя анкеты для массового опроса населения, проводя экспертный опрос и собирая статистические и архивные данные, а также материалы местных СМИ. Были проведены обследования 8 населённых пунктов, включая районные центры.

Краткие результаты социологических исследований на Русском Севере, 1999-2006

Полученные результаты в целом подтверждают другие мои наблюдения⁷ и свидетельствуют о замедлении процессов неадаптивных хаотических приспособлений поморских сообществ к кризисным изменениям в обществе. Происходит сравнительная стабилизация экономического поведения как всего локального сообщества, так и отдельных домохозяйств на Русском Севере. Это ожидаемый и естественный процесс, однако на Русском Севере он отчётливо замедлен по сравнению со многими регионами страны. Отставание составляет десятилетие: активность хозяйственной жизни и проблемы людей примерно те, что являлись ключевыми для большинства населения в середине 90-х годов.

Общее экономическое положение домохозяйств всё ещё продолжает оставаться тяжелым. Типичной формой приспособления остается натуральное подсобное хозяйство, морские и речные промыслы, заготовки леса, сбор дикоросов, охота, случайные приработки конъюнктурного характера. Как и везде в стране, на Русском Севере мы наблюдаем объективное увеличение благосостояния населения. Хотя сами люди считают, что живут они по-прежнему плохо и трудно, но ситуация улучшилась радикально по сравнению даже с 1999 годом. Например, оценки людьми в провинции черты бедности составляла в начале 90-х около 4 долларов в месяц на человека, в 1999 – 22-26 долларов, а в 2006 – уже 113 долларов. Реальный бюджет семьи из 2,7-3,0 человек составлял, по самооценкам, в начале 90-х около 10-12 долларов, в 1999 – 47-61 доллар, в 2006 – 559 долларов. А оценки того уровня материального благополучия, когда человек считает, что проблем нет, составляли в начале 90-х около 30 долларов, в 1999 – 60-83 доллара (220 на семью), а в 2006 – 331 доллар, или 992 на семью.

Немалая часть населения (каждый шестой) чувствует свою полную неспособность адаптироваться к новым социально-экономическим условиям жизни, трудности с приспособлением испытывает почти каждый второй. Таким образом, до 2/3 людей не чувствуют себя "хозяевами новой жизни". При этом нормальный уровень своей приспособленности отмечает лишь

каждый десятый. И самооценка качества повседневного эмоционального состояния людей в целом неблагоприятна. Хотя она тоже выравнивается в это десятилетие. Если в 1999 почти 70% признавали, что их повседневное состояние либо неважное, неудовлетворительное, либо совсем плохое, то в 2006 аналогичные самооценки только у 42%. Соответствует такому настроению и планирование людьми своей трудовой и личной жизни. В 1999 более половины (до 60%) либо вовсе не желают строить какие-то планы, либо затрудняются их определить. В 2006 такое отношение к будущему у 40%.

Период кризисного развития общества в 90-е годы обусловил быстрые и радикальные изменения в мировоззрении и социальных установках населения. Он затронул самые разные стороны мировоззрения и «обыденной» идеологии людей. На уровне индивидуальных целей и ценностей начинают играть сравнительно большую роль индивидуалистические (эгоистические) жизненные установки, которые приходят на смену «социетальным» целям.

Продолжается тревожный процесс смещения иерархии ценностей индивида к низшим ценностям. С каждым годом всё большее число людей в провинциальном обществе относят к числу важнейших индивидуальных ценностей не ценности личностного саморазвития (творчество, красота, свобода, познание, понимание) или самоутверждения человека в обществе (работа, активная жизнь, общественное признание, равенство людей и т.п.), и даже не ярко просоциальные ценности (любовь, дружба), а индивидуально ориентированные ценности физической безопасности и материального благополучия.

Соответственно и социальные ценностные предпочтения в обществе носят радикально материалистическую ориентацию: подавляющее большинство населения – до 4/5 населения – считают важнейшими условиями общественного развития в России обеспечение экономической стабильности, сохранение и повышение внутренней и внешней безопасности страны. Лишь менее 1/5 населения являются приверженцами ценностей социально-политических и гуманистических в качестве определяющих будущее развитие страны.

При всём том, несмотря на тенденции роста индивидуализма, «провинциальное» общество сохраняет и поддерживает на высоком уровне значение семейно-родственных и соседских связей. В нём нет проблемы одиночества, столь острой для западного общества. Практически каждый человек рассчитывает и имеет моральную (психологическую) и даже материальную поддержку со стороны своих близких - родственников и соседей. Это следует рассматривать в качестве важного фактора стабильности общества.

На уровне обыденного мировоззрения совокупность социальных установок, связанных с представлениями о нормах и стереотипах поведения людей, свидетельствует об отходе от традиционных («архаических») взглядов на нормы человеческого поведения, как целиком зависимые от общества, подчинённые ему. В «провинциальном» обществе доминируют «индустриальные» (индивидуалистические и связанные с семьёй и профессиональным окружением) социальные установки.

Религиозное сознание населения внутренне конфликтно: высокая религиозность людей и возрастающая потребность в вере не находят соответствия в конфессиональной приверженности и в готовности к тесной связи с церковью. В течение десятилетия это обостряющееся противоречие в массовом сознании разрешается, по-видимому, путём всё более частого обращения людей к экологической проблематике как новом выражении религиозного чувства. Это формирует, соответственно, новое экологическое сознание людей, в котором начинают доминировать этические и эстетические ценностные установки по отношению к природе, замещая и вытесняя утилитарно-негативные экологические установки индустриальной эпохи.

Такое развитие, элементы которого мы фиксируем уже теперь в сознании людей, создаст в будущем не только каркас новой - экологической - религиозности, но и новые стратегии (модели) экономического поведения самозанятого населения в провинциальных городах. Эти новые стратегии и модели будут базироваться на принципе экологически ориентированного предпринимательства. Её перспективность определяется не только нарастающей приверженностью ресурсосберегающим

технологиям, но и ориентацией на новую стратегию: актуализацию человеческого потенциала, в противовес устаревшему индустриальному принципу человеческого ресурса. Это важный момент социально-экономической самоорганизации локального сообщества. Это шаг в будущее, сделанный «провинциальным» обществом самостоятельно и независимо от местной и центральной власти.

---

¹ Plusnin Ju.M. Specific human behaviour in the Russian Arctic // Management, technology and human resources policy in the Arctic (the North). — Kluwer Acad.Publ. (The Netherlands), 1996. — P. 449 — 453.

² Altman I., Vinsel A. M. Personal space. An analysis of E. T. Hall's proxemics framework / Human behavior and environment: advances in theory and research (V. 1). N. Y.: Plenum, 1971. P. 181—259; Altman I. The environmental and social behavior. Monterey, Calif.: Brooks/Cole, 1975; Плюснин Ю.М.

Пространственное поведение человека (методы проксемических исследований). - Новосибирск, 1990. - 45 с.

³ Из интервью с охотником Степаном, жителем посёлка Варнек на о-ве Вайгач 19 августа 1989 г.

⁴ Интервью с жителем Родомы 14 августа 2006 г.

⁵ Из Писцовой книги Кевроля и Мезени 1923 г.

⁶ Боярский П.В., Вехов Н.В., Лайус Д.Л., Плюснин Ю.М. Исследования Морской арктической комплексной экспедиции на Белом море // Вестник РГНФ, М., 2001. - № 1. - С. 205-214; Plusnin Ju.M. A new Russia – or the same old Russia? An alternative worldview in the making // Russia's fate through Russian eyes. Voices of the new generation. – Westview press, Boulder, Colorado, 2001. – P. 9-31.

⁷ Плюснин Ю.М. Поморы. Население побережий Белого моря в годы кризиса, 1995 – 2001. – Новосибирск, Изд-во НГУ, 2003. – 143 с.